

2. Е. П. ПЕШКОВА

Свыше сорока лет прошло с тех пор, как Леонида Николаевича не стало.

Много событий потрясло жизнь за это время, но когда вспоминаешь Андреева, по-прежнему нельзя спокойно думать о нем. Чаще всего вспоминается он таким, каким я видела его в начале 1907 г., когда приехала с сыном Максимом к Алексею Максимовичу, который, вернувшись из Америки, осел на Капри, в Италии.

Говорили о жизни в Америке, о нашей жизни. Среди разговора Алексей Максимович сказал мне:

— А знаешь, здесь Леонид, он в очень тяжелых настроениях. Побывай у него.

Незадолго до этого Леонид Николаевич потерял свою первую жену, близкого друга — Александру Михайловну — чудесную, обаятельную, милую женщину. «Дама Шура» — как ее прозвал Алексей Максимович.

Она умерла от послеродовой болезни в Берлине. Еле живого ребенка — Данила ее мать увезла в Москву, где вместе с Елизаветой Михайловной Добровой, сестрой Александры Михайловны, с трудом выходили его. Даниил Андреев много болел, но выжил¹.

Вскоре после смерти жены Леонид Николаевич решил уехать на Капри, зная, что там живет Горький. Когда они встретились, он просил Алексея Максимовича быть крестным отцом несчастного ребенка, на что Алексей Максимович дал письменное согласие².

На другой же день я отправилась к Леониду Николаевичу. Он жил в большой мрачной вилле, густо заросшей деревьями, которые подступали к окнам. Жил он с матерью, Анастасией Николаевной, и маленьким сыном Вадимом.

Леонид Николаевич мне обрадовался, повел в столовую, усадил за стол, на котором стоял горячий самовар, привезенный Анастасией Николаевной из Москвы, — налил мне и себе чаю и тут же стал подробно рассказывать о болезни Александры Михайловны. Говорил, что ее лечили неправильно, обвинял берлинских врачей.

Рассказывал Леонид Николаевич медленно, с остановками, глядя куда-то вдаль, точно оживляя для себя то, о чем рассказывал. Стакан за стаканом пил он очень крепкий чай, потом опять ходил по комнате, порою подходил к буфету, доставал фiasco³ местного вина, наливал в бокал и залпом выпивал. И снова молча ходил по комнате.

Я старалась перевести разговор на другое. Рассказывала о жизни в Москве. Он слушал рассеянно, видимо, думая о другом.

В одно из моих посещений, когда мы были одни, Леонид Николаевич сказал:

— Знаете, я очень часто вижу Шуру во сне. Вижу так реально, так ясно, что, когда просыпаюсь, ощущаю ее присутствие; боюсь пошевелиться. Мне кажется, что она только что вышла и вот-вот вернется. Да и вообще я ее часто вижу. Это не бред. Вот и сейчас, перед вашим приходом, я видел в окно, как она в чем-то белом медленно прошла между деревьями и... точно растаяла...

Мы долго сидели молча.

Когда я уехала с Капри, он собирался мне писать, но получила я только одно его письмо:

14 ф<еврала 19>07

Милая Екатерина Павловна!

Не пишу, потому что в ужасно мерзком состоянии. И душа и тело развалились.

Бессонница, мигрень и пр. Кроме того, пишу рассказ⁴ и десятки, сотни деловых писем.

И писать мне вам — скучно. Хочется поговорить, а не писать. Вероятно, приеду — к вам. Вы верите, что я вас люблю? Даже — когда молчу и ничего не пишу. И Максиму люблю. Алексей — крестный отец у моего несчастного Данилки, а я — разве я не чувствую себя крестным отцом Максимки? Вы не смеетесь? Вы не сердитесь?

И вы мне всего не сказали, и я вам всего не сказал. Но это — впереди. Крепко, так, чтобы почувствовалось, жму вашу милую руку. И Софье Федоровне хороший поклон. Мне до сих пор жалко, что я не отдал ей калош!*

Ваш Леонид

Вскоре после моего отъезда, к Андрееву приехал Вересаев, чему я очень обрадовалась, зная, что Леонид Николаевич с ним в дружбе и Викентий Викентьевич хорошо влиял на его настроение.

Побывать у меня в Ницце и Алясико Андреев не собрался.

Это мое свидание с Леонидом Николаевичем на Капри — было последним, но от общих друзей мне приходилось слышать о его жизни, его метаниях, да и Алексей Максимович неоднократно писал и говорил мне о нем⁶.

Вернусь к началу нашего знакомства.

В 1898 г. мы жили в Нижнем-Новгороде и Алексей Максимович каждый день заходил в редакцию «Нижегородского листка» просматривать столичные газеты. С февраля по начало мая «Листок» был цензурой приостановлен, и вместо него подписчикам выдавался московский «Курьер».

5 апреля в этой газете был напечатан рассказ Андреева «Баргамот и Гараська». Помню, как Алексей Максимович, необычайно оживленный, вернулся в этот день из редакции домой с номером «Курьера», прочел мне этот чудесный рассказ и с восторгом говорил, что написал его, видимо, очень талантливый человек.

Алексей Максимович стал внимательно следить за каждым новым рассказом Андреева; позднее он запросил сотрудника «Курьера» — Н. П. Ашешова — об авторе. Тот передал письмо Алексея Максимовича Андрееву, который очень обрадовался и сам ответил ему.

Просматривая «Курьер», Алексей Максимович отметил необычную судебную хронику, в которой обращалось, главным образом, внимание не на самый факт преступления, а на мотивы его, на причины, толкнувшие обвиняемого на преступление. Он узнал, что отчеты из зала суда пишет тот же Леонид Андреев.

Лишь 12 марта 1900 г. они познакомились лично, когда Алексей Максимович с Владимиром Александровичем Поссе и Виктором Сергеевичем Миролюбовым уезжали вместе в Ялту. Узнав об этом, Леонид Николаевич пришел на Курский вокзал в Москве. Андреев передал Алексею Максимовичу переплетенную толстую тетрадь вырезок своих рассказов из «Курьера» с просьбой их просмотреть. При этом он сказал ему, что пишет

* С. Ф. Витютнева, наша приятельница, приехавшая со мной в Италию. Как-то Леонид Николаевич пошел меня проводить, и мы попали под сильный дождь. Софья Федоровна заставила его снять мокрые каприйские полотняные сандалии и дала ему надеть свои калоши⁵. — *Прим. Е. П. Пешиковой.*

ГОРЬКИЙ И Е. П. ПЕШКОВА

Фотография М. П. Дмитриева, Нижний-Новгород, 1902—1903 годы

Музей Горького, Москва

большой «Рассказ о Сергее Петровиче», и просил разрешения прислать рукопись в Ялту.

Во второй половине 1900 г. они познакомились несколько ближе. А с 1901 г., как говорил сам Алексей Максимович, их уже связывала сердечная дружба и они перешли на «ты», что случалось с Алексеем Максимовичем крайне редко.

Мне всегда казалось, что по отношению к Андрееву у Алексея Максимовича было нежное чувство старшего брата к младшему и даже, когда они через несколько лет идейно разошлись, это чувство не угасло. Леонид Николаевич тяжело переживал перемену в их отношениях.

Расцвет их дружбы я отношу к началу девятисотых годов.

В начале 1902 г. Леонид Николаевич после свадьбы приезжал с Александрой Михайловной к нам в Крым, на дачу «Нюра» в Олεις. Мы много гуляли. Пробыли они недолго, но за эти дни Андреев подружился с Леопольдом Антоновичем Сулержицким, который тогда жил у нас. Впоследствии Сулержицкий стал ближайшим помощником Константина Сергеевича Станиславского в Художественном театре, где потом шли пьесы Андреева.

Приезжал Леонид Николаевич к нам и в Арзамас, куда после Крыма был выслан Алексей Максимович.

Леонид Николаевич с интересом и удовольствием разглядывал дома города, говорил, что они напоминают ему детские годы в Орле. В то время Арзамас был довольно унылый уездный городок, скрапивала его Ступинская художественная школа, которая очень заинтересовала Леонида Николаевича. Он увлекался живописью и сам хорошо рисовал. Я даже думала, что он, как и его брат Павел Николаевич, учился в Строгановском училище живописи, ваяния и зодчества в Москве. И только теперь я узнала, что писал он картины самоучкой.

Интересная встреча произошла у Андреева со священником Федором Владимирским, посвятившим свою жизнь поискам воды для Арзамаса. Об этом Алексей Максимович замечательно написал в своих воспоминаниях об Андрееве, только он отнес эту первую встречу — Андреева с отцом Федором к Нижнему, забыв, что это случилось в Арзамасе.

В Арзамасе Леонид Николаевич вновь встретился с Сулержицким.

Начиная с 1902 г., Андреев неоднократно бывал в Нижнем. В один из приездов он уговорил меня позировать ему и начал писать портрет углем, но не окончил его и вместе с моими фотографиями увез в Москву, думая писать красками. Незаконченный портрет остался у него.

Алексей Максимович не раз говорил: «Леонид талантливее меня, у него богатая и яркая фантазия. Он разносторонне талантлив».

У меня сохранилось два письма Леонида Николаевича от 1903 г. Первое письмо я получила в начале января:

Дорогая Екатерина Павловна!

Читать стоит только на одном вечере; два дня подряд — неудобно. Приеду я, когда назначите, с 12-го января я свободен. Читать буду две вещи: «Кусака» (в «Книге рассказов и стихотворений», издание Курнина) и «Смех», а то «Набат», как хотите.

Рассказал Зиночке⁷, как у вас весело и как вы возились с елкой. Жалко, что для меня эта елка, как заколдованная — никак не приходится попасть на нее.

Шура постепенно, хоть и не быстро, поправляется; так называемый Вадим орет от живота, а мы оба жалеем его. Вообще — хорошо.

Получите множество поклонов от лиц разного звания и степеней родства с автором сего.

Ваш Леонид Андреев

Из Нижнего не уеду, пока не получу вашей карточки.

ГОРЬКИЙ И АНДРЕЕВ СРЕДИ УЧАСТНИКОВ КОНЦЕРТА В ПОЛЬЗУ НУЖДАЮЩИХСЯ НИЖЕГОРОДСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Фотография, Моховые горы близ Нижнего-Новгорода, февраль 1903 г.

Слева направо в верхнем ряду: М. Д. Малинин, П. П. Малиновский, Е. П. Пешкова, Горький, З. А. Пешков, Р. А. Штюрмер; в среднем ряду: Ю. Р. Штюрмер, З. Ф. Штюрмер, В. Н. Кольберг, Е. К. Малиновская; в нижнем ряду: Д. А. Павлов, А. Н. Алексин, Андреев, Н. Р. Штюрмер

Музей Горького, Москва

И второе — в начале февраля:

Дорогая Екатерина Павловна!

Нельзя ли, голубушка, вечер назначить число на 12-е — а то десятого у меня годовщина свадьбы, и мне не хотелось бы уезжать из Москвы.

Чем больше думаю о совместном нашем житье на Фофановых горах*, тем больше его жажду. Если вечер и не состоится, все равно приеду числа 12-го.

Ваш Леонид Андреев

Вечер этот состоялся 14 февраля в зале Коммерческого собрания с участием Андреева, Янины Берсон — скрипка, А. Н. Алексина — бас, М. Д. Малинина — баритон. Аккомпанировал М. М. Фивейский. Андреев прочел рассказы «Набат» и «Смех».

* Фофановы, или Моховые, горы на берегу Волги против] Нижнего.— Прим. Е. П. Пешковой.

В это время у нас гостил А. Н. Алексин — врач Алексея Максимовича и большой наш друг; с осени 1902 г. жила Янина Берсон, дочь петербургского банкира, порвавшая с семьей. Она прекрасно играла на скрипке.

Вечерами устраивались импровизированные концерты. Алексин пел, Янина играла на скрипке, аккомпанировал Михаил Михайлович Фивейский — студент Московской консерватории.

— Ведь прекрасный концерт с полезной, хорошей целью можно дать. Привлечем и Малинина, — сказал Алексей Максимович. (М. Д. Малинин — артист частной оперы Зимина в Москве, был как раз в это время в Нижнем и заходил к нам.) Привлекли Андреева. Получился интересный состав участвующих.

Концерт имел большой успех, собрали рублей шестьсот, что по тогдашнему времени был большой сбор, который, за вычетом расходов, пошел в фонд постройки дома для школьников.

Несколько позднее, когда Леонид Николаевич оставался еще у нас, произошла ссора Алексея Максимовича с ним. Леонид Николаевич, выпив лишнего, поскаandalил с Алексиним и Малининим. Помню, как рассердился на него Алексей Максимович и, вызвав извозчика, чуть ли не насильно отвез его на вокзал и отправил в Москву.

В конце февраля 1903 г. Леонид Николаевич написал Алексею Максимовичу, объясняя свое поведение опьянением. Алексей Максимович на письмо не ответил.

Помирились они лишь в начале октября 1903 г.

В 1904 г. я собиралась ехать за границу лечиться. Узнав об этом, Леонид Николаевич очень уговаривал меня ехать вместе с ними в Крым.

Вот что писал он мне 17 марта 1904 г. (датируется по почтовому штемпелю):

Дорогая Екатерина Павловна!

Спешно собираемся в Крым, укладываем молоко, упаковываем ванну, теряем, соображаем, забываем, находим, снова теряем, прощаемся, бегаем, ошалееваем, ругаемся и ничего не понимаем. В четверг, 18-го, выезжаем. Поселимся где-нибудь около Олениза. Вересаев тоже думает ехать. Если бы вы? Голубушка, как бы это было хорошо. Если бы вы, именно вы, только вы и никого больше. Вы знаете, что я вас очень люблю — как раз до той самой границы, до какой позволяет супружеская верность. И Шура вас так же любит. Какого чёрта? Приезжайте.

У меня болит шея, нос и затылок, Шура худеет. Димка кашляет. Мама скверно спит, камин дымит, извозчики грохочут, прислуга требует жалованья. Перо скверное, чернила на исходе. И это жизнь? В Крым, скорее в Крым!

Якубову денег не дал: <во> 1-х) потому что нет денег; <во> 2-х) потому, что нет желания. Он, кажется, рассердился. Это будет 1001-й человек, который на меня сердится. Когда дойдет до 100 000, я сам начну сердиться. Потому что я очень сердитый, хотя и стараюсь этого не показывать.

Видел мельком Скитальца. В его лице есть что-то девичье и ангельское. В профиль он похож на преподобного Серафима. Сзади — на кривой фонарный столб. На нем, мне думается, удобно сушить белье. Если б я был чайка, я на его шляпе свил бы гнездо, высидел бы детей и отдал бы ему на воспитание.

Крепко жму руку.

Ваш Леонид Андреев

Адрес в Крыму: Елпатьевскому.

В 1905 году, 9 февраля арестовали Андреева, предоставившего свою квартиру для заседания ЦК РСДРП. В 20-х числах февраля он был освобожден под залог в десять тысяч рублей, внесенных С. Т. Морозовым.

Алексей Максимович очень беспокоился за Андреева.

В 1911 г. я получила в Париже письмо Алексея Максимовича, в котором он упоминает о Леониде Николаевиче.

Привожу выдержку из него:

«Быть большим человеком в России — мрачная и мучительная позиция, дорогой ты мой друг, — и как поглядишь на всех более или менее крупных ребят, на все, что их окружает, — господи помилуй! страшно за них и готов все им простить.

Недавно получил большущее письмо от Леонида — молчок об этом! — шутит Леонид, а сквозь шутки — слышен этот надрывающий душу вой затравленного волка. Скоро, вероятно, увижусь с ним и еще многими — не Куприным, Ценским и т. д. Сказать им у меня есть что, на велик толк надеюсь, а кое-чего — добыюсь, уверен».

Я уже говорила, что после 1907 г. лично не встречалась с Андреевым. Ряд лет была в эмиграции, за границей. В 1914 г., вернувшись в Москву, встретила как-то с Викентием Викентьевичем Вересаевым, и мы заговорили о Леониде Николаевиче. В это время Андреев был уже вторично женат, имел дачу в Финляндии. Кроме сыновей Вадима и Даниила, у него были дети от второй жены. Мы вспомнили с Викентием Викентьевичем 907-й год, когда и он был свидетелем тех же тяжелых переживаний Андреева.

Писатель Александр Абрамович Кипен, будучи проездом в Москве, на вопрос — как живет Леонид Николаевич? — ответил: — Да по-прежнему увлекается то тем, то другим.

Между прочим он рассказал:

— Приехал я как-то к нему. Мирно сидим, беседуем. Вдруг он куда-то исчез и допоздна не появился. На другое утро, за завтраком, я его спросил:

— Куда это вы пропали?

— Никуда не пропал, — ответил Леонид Николаевич, — вздумал поехать к Горькому.

— Как к Горькому? — удивился я. — Ведь вы же разошлись, не встречаетесь...

— Не все же быть в ссоре, — весело сказал Леонид Николаевич, точно это была самая обыкновенная вещь. — Поехал и помирились. Чудесный провели вечер!⁸

Отношения между Алексеем Максимовичем и Андреевым так и не восстановились, хотя они иногда встречались и, как и раньше, были на «ты», но прежняя близость не возобновилась.

«Мы могли говорить только о прошлом. Настоящее нас разделяло...», — говорил Алексей Максимович.

То же сказал Горький и в своих воспоминаниях о Леониде Андрееве: «... мы могли не споря говорить только о прошлом, настоящее же воздвигало между нами высокую стену непримиримых разноречий.

Я не нарушу правды, если скажу, что для меня стена эта была прозрачна и проницаема — я видел за нею человека крупного, своеобразного, очень близкого мне в течение десятка лет, единственного друга в среде литераторов...»

7 марта 1962 г.

Написано Е. П. Пешковой для настоящего тома «Лит. наследства» по просьбе редакции. Подготовлено к печати В. Н. Чуваковым.

¹ Даниил Леонидович *Андреев* (1906—1959)—второй сын Андреева, художник-оформитель, литератор, редактировал сборник «Реквием» (1930); участник Великой Отечественной войны; автор (совместно с С. Н. Матвеевым) книги «Замечательные исследователи Средней Азии» (Географгиз, 1946); в последние годы редактировал переводы с японского рассказов Фумико Хаяси (изд. «Иностранная литература», 1960).

² См. об этом — Переписка, № 148.

³ Fiasco — бутылка для вина (итал.).

⁴ Рассказ «Иуда Искариот».

⁵ С. Ф. *Витютнева* (рожд. Цвиленева; 1850—ок. 1910) — фельдшерница-акушерка Ялтинской земской больницы. Участвовала в революционном движении. Находилась под негласным надзором полиции.

⁶ В Отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится книга: Леонид Андреев. Жизнь человека. Представление в пяти картинах, с прологом. Berlin, Bühnen- und Buchverlag russischer Autoren J. Ladyschnikow, 1907, с дарственной надписью: «Милой и хорошей Екатерине Павловне Пешковой искренне любящий Леонид Андреев. Капри. 21 января 07». Как сообщила Е. П. Пешкова, книга эта получена ею не была.

⁷ Зинаида Николаевна *Андреева*, сестра Андреева.

⁸ Встреча эта Андреева с Горьким произошла, по-видимому, 5/18 декабря 1914 г. (см. письмо Горького к Е. П. Пешковой: «Был у меня Леонид Андреев. Долго говоришь, часов шесть криду». — АГ. Личный архив Е. П. Пешковой).

3. И. А. БЕЛОУСОВ *

...Вскоре Горький привез на «Среду» еще одного молодого писателя с красивым энергичным лицом, с густыми, темными, зачесанными назад волосами, одетого в коричневый пиджак.

— Леонид Андреев, — рекомендую, талантливый, — коротко рекомендует Горький Андреева.

И Андреев сделался членом «Среды» и постоянным посетителем его собраний. Все свои произведения, написанные в первый период его деятельности, он прочитал на «Средах». Из судебного репортера газеты «Курьер» Андреев начал быстро вырастать в большого писателя. Первая книжка его рассказов не только обратила на себя внимание критиков, но произвела большой шум среди читателей (<...>)

Если Горький умел иногда бросить крылатую фразу, сделать краткую характеристику, то Андреев превосходил его в остроумии, — автор мрачных и «страшных» рассказов — в дружеской компании писателей был необыкновенно весел, находчив и остро словен: — он давал характеристики в целых рассказах. Больше всего от него доставалось Скитальцу.

Вот как Андреев рассказывал про пребывание Скитальца в Крыму:

«... Приехал я в Ялту, узнал, что там Скиталец, пошел навестить его; прихожу на дачу и вижу: в передней висит его енотовая шуба, — у Скитальца давно была мечта купить такую шубу, потому что все дьякона ходят в таких шубах; — зачем Скиталец привез на лето в Ялту шубу, одному ему было известно, только шуба как была повешена при приезде, так все лето на нее никто и не посмотрел, и ее всю съела моль. Я заметил и сказал об этом Скитальцу, посмотрел он и очень огорчился.

— Что же теперь делать? Вся шерсть вылезла, одна мездра осталась, пропала шуба!

А я его утешил и говорю: — Сходи в аптеку, купи мази для ращения волос, смажь мездру погуще, — вот и всё!» — И Андреев уверял, что Скиталец принял его совет за чистую правду.

И про многих других писателей Андреев рассказывал в этом же духе и подбадривал слушателей на веселое настроение; даже сам Горький поддавался этому и не прочь был иногда «промыть писателям косточки».

* Воспоминания № 3—12, 14—16 подготовлены к печати А. И. Наумовой.